

UOT: 821(100)

Людмила Самедова *

КОРАНИЧЕСКИЙ МОТИВ У НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.В.ГЕТЕ

Açar sözlər: Höte, Quran, məsəl, Nizami

Key words: Goethe, Guran, parable, Nizami

Ключевые слова: Гете, Коран, притча, Низами

Несмотря на множество исследований произведения И.В.Гете «Западно-восточный диван», различные проблемы, связанные с ним, не теряют актуальности по сегодняшний день.

Вот, что пишет Гете в приложении «Статьи и примечания к лучшему уразумению “Западно-восточного дивана”»: «человеку по-настоящему умному, рассудительному не оставалось ничего, кроме как из всех сил стараться пробиться к подлинному, неиспорченному, добротному тексту Корана. Вот почему оказывается, что в истории ислама толкование, применение, употребление стояли на поразительной высоте» [1, с.187].

Кстати, как заметим и в наших дальнейших рассуждениях, немецкий поэт, как подобает предвиденью гения, осознал святой источник, который подпитывал поэзию великих восточных поэтов, принадлежавших не только иранской, но мировой литературе и составляющих ее сокровищницу. Иначе как можно понять строки:

*Причину
Я открою. Текст Корана
Я, слуга его ревнивый,
Вверил памяти счастливой
И от слова и до слова
Помню и блюду сурово.
Хоть постыдно наше время,
Общий дух того не губит,
Кто, как я, пророка любит,
Чтит его завет и семя,
Оттого Хафизом всеми
Прозван я [1, с.20].*

Не вызывает сомнения, что фундаментальные знания о восточных поэтах, в том числе и мистической суфийской поэзии, он почерпнул из работ немецких востоковедов.

По мнению Гете, религиозно-философскую основу мировоззрения суфизма составлял Коран. В связи с этим необходимо познакомиться с его взглядами на ислам. Этот обзор позволит в наш просвещенный век глобализации и интеграции открыть глаза некоторым

* Институт литературы имени Низами Гянджеви. Доктор филологических наук.

политикам и аналитикам XXI века, которые огульно выражают отношение к мусульманской религии, на суть ее принципов.

Сделаем экскурс к юности поэта.

Первоначальное знакомство поэта с Кораном (1772) восходит к немецкому переводу Д.Ф.Мегерлина. Но самым любопытным является попытка самого Гете перевести 6-ю суру Корана с латинского языка. Каковы посылы, побудившие его пойти на этот шаг? Без всяких догадок напрашивается выражение потребности в испытании себя углубиться в понимание тех, кто верует в эту Священную книгу. И в том нет ошибки, потому что уже следующим шагом к постижению была работа над драмой «Магомет» (1772-1773) и стихотворением «Песнь Магомета» (1773).

Здесь нелишне будет напомнить о том, что еще до работы над «Западно-восточным диваном» Гете был знаком с монографическим исследованием о Мухаммеде Иоганна фон Ребиндера (1799) и К.Э.Эльснера (1810), немецким переводом Корана Теодора Арнольда (1746), выполненным по английскому переводу Джорджа Сейла [См.: 1, с.778-779].

Поэт считал своим долгом до написания задуманного произведения не только иметь представление о жизни и поэзии восточных поэтов, но вникнуть в философию их поэтики: «Об исконной ценности религии можно судить лишь по прошествии веков, по вызванным ею последствиям. Иудейская религия, наверное, всегда распространяет закоренелый упрямый нрав, но вместе с тем практическую сметливость и предприимчивость; вера магометанская держит своих приверженцев в некоей глухой, душной стесненности, потому что не требует от них тяжких жертв, а за исполнение малого наделяет всем, чего только они ни пожелают, но вместе с тем эта вера, открывая грядущее, вселяет в их души храбрость и внушает им религиозно-патриотический дух» [1, с.172].

Мы вряд ли у других мыслителей встретим столь прямых высказываний о религиях. Следует заметить, что немецкий поэт имел профессиональные знания о тех религиях, о которых он имел достаточные знания. Поэтому мы должны к ним относиться как к убеждениям мыслителя.

Гете прекрасно понимал, что немецкий читатель, привыкший к языку и стилю отечественной литературы, нуждается в серьезных разъяснениях и толкованиях восточного стиля изображения явлений действительности и непонятных для европейского восприятия восточных изобразительных средств. Поэтому для осмысления «Западно-восточного дивана» он в конце произведения поместил «Статьи и примечания к лучшему уразумению «Западно-восточного дивана» и «Дополнения» («Стихотворения круга «Западно-восточного дивана»». Здесь он дает сведения об истории Востока, о восточных писателях, о поэтических особенностях, об исламской религии и т.п.

Вызывает интерес отношение немецкого поэта к восточным притчам. Обратимся к его рассуждениям в примечаниях к «Книге Притч»: «Притчи, как и иные поэтические виды Востока, соотносящиеся с нравственным смыслом, весьма ладно разделяются между тремя различными рубриками – притчи этические, моральные и аскетические. Первые содержат события и намеки, соотнесенные с человеком вообще и разными его состояниями, причем тут не говорится, что хорошо и что дурно. Это же последнее замечательно выявляется в притчах второго вида, которые читателю подсказывают разумный выбор. Третий же вид добавляет решительное принуждение – нравственное побуждение становится заповедью, законом» [1, с.255]. Естественно, что данная классификация, в чем признавался сам Гете, является условной, потому что в указанных им рубриках порой трудно ставить грани между ними [1, с. 256].

В статье «Всеобщее» он обращается к притче великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви из «Сокровищницы тайн» (название поэмы не указывается). Высоко оценивая творчество Низами для мировой литературы, Гете отмечает источник, от которого оттал-

квивался поэт для творения произведений: «Ведь в Коране содержались намеки на то, как перерабатывать, развивать в своих собственных целях старинные лаконичные предания, как радовать сердца известной пространностью изложения!» [1, с.191]. И в этом смысле притча из «Сокровищницы тайн» не является исключением. Приведем филологический перевод с фарси Рустама Алиева:

*Ноги Масиха, странствующие по миру,
/Однажды/ привели его к небольшому рынку.
В проходе лежала подобная волку собака,
Юсуф /душа/, который выпал из колодца /тела/.
Вокруг трупа /собралась/ толпа и глазела на него,
Словно стервятники, питающиеся мертвечиной.
Один говорил: «Ужасное /зловоние/ этой /падали
Помутит наше обоняние, словно дуновение свечу».
А другой говорил: «Это наше ничего,
/Страшно то, что /от нее глаза ослепнут и сердце страдает».
Каждый из них толковал что-нибудь в этом роде,
/И/ все они измывались над /бедным/ трупом.
Когда черед говорить дошел до Исы,
Он оставил укору и перешел к сути.
Говоря /о красоте/ ее телесного вида он сказал:
«Жемчуг не такой белый, как ее зубы».
Остальные несколько человек со страхом и надеждой
Скалили зубы над той сожженной раковиной.
Не замечай ты чужих пороков и своих добродетелей,
Опускай ты свои взоры /вниз/ в свой воротник.
Однажды, когда возьмешь зеркало в руки,
Разбей его в тот же день и не становись самопоклонником.
Не занимайся самоукрашением, как весна,
Дабы время-рок не позарилось на тебя /из-за твоей красоты/.
Одежду твоих пороков сшили из тонкой /ткани/,
Вот почему тебя накрыли девятью завесами [2, с.125-126].*

Не вызывает сомнений, что притча Гете, являющаяся изложением переводного текста И.Хаммера «История персидской изящной словесности», не могла быть точной копией оригинала.

Для сравнения приведем текст притчи Гете:

*Иисус в своем земном скитанье
Однажды на базар пришел;
Смердящий труп собачий кто-то
К воротам дома притащил,
Толпой зеваки собирались,
Как коршуны, вокруг добычи.
Один сказал: «Что говорить, –
Нам падашь беды предвещает».
Так всякий пел на свой манер,
На пса проклятья посылая.
Когда черед Иисусу вышел,
Он без обиды говорит:
«Благой природы воплощенье,
Как жемчуг, белы эти зубы».*

*От этих слов всех пот прошиб,
И жар пропал безмерно грубых [1, с.194].*

Здесь уместно будет вспомнить мысли Аннемари Шиммель из ее монографического исследования «Мир исламского мистицизма», которые, на наш взгляд, достаточно ясно характеризуют отношение суфийских поэтов к образу Иисуса: «Иисус (согласно Корану – последний пророк перед Мухаммедом) представляется суфиям идеальным аскетом, воплощением чистой любви к Богу. В сочинениях ранних суфиев Иисус предстает как бездомный странник, не знающий, где преклонить голову; он учит верующих смирению, душевному покою и милосердию, ибо, «так же как зерно не может произрасти ниоткуда, кроме как из праха, зерно истины не может произрасти ниоткуда, кроме как из сердца, уподобившегося праху». В речениях первого поколения суфиев отражен образ Иисуса Нагорной проповеди; он остался излюбленным персонажем и в более поздней суфийской поэзии. Он и его девственная мать превратились в возвышенные символы: Мария (женщина, не испорченная мирскими заботами, чистый сосуд, вместивший божественный дух) и Иисус (пророк, рожденный по божественному повелению и именуемый «Духом Божьим») стал примером чистой духовной жизни» [3, с.35-36].

И все-таки, какой же вывод следует из притчи? На этот вопрос очень удачный ответ дает в своей монографии Рафик Новрузов, которым и мы воспользуемся: «Остановимся на том “моральном уроке”, на который нацелена притча Низами. Вся толпа, собравшаяся вокруг трупа, замечает исключительно мерзость, зловоние. Ограниченным людям в этом мире трудно представить, что каждый человек, будучи смертным, в конце концов покидает этот мир и его тело разлагается. Толпа так жадно и зло отзывающаяся о трупе собаки, забывает о том, что эта же участь ожидает её.

Пророк Иисус простую истину излагает в завуалированной форме. Человек обретает равновесие в мыслях, когда может видеть вещи не только с собственной точки зрения, но и всесторонне. Он должен быть наполнен духовностью в прикосновении ко всему. Ведь Бог во всем: в самом человеке, вокруг него. Не случайно библейская истина гласит, что человек живет, движется и существует в Боге. Творец совершенен. Человеку же, идущему по пути совершенства, необходимо понять, что радоваться высшему невозможно было бы, если не было бы низшего. Множество несовершенств существует для того, чтобы было возможным одно великое совершенство. Под “сожженной раковиной” Низами подразумевает тело. Устами же Иисуса он возвеличивает «жемчуг» (не образование, развивающееся в моллюсках, находящихся в раковине) – душу человека, которая в постоянном устремлении к Истине, Красоте и Любви приобретает вечность, нежели его тело – оболочка, ограниченность, бранные останки. Свободная душа должна выйти, как говорят суфийские поэты, из “темницы”. Жить надо не прошлым и не будущим, а вечным. Для этого необходимо освободиться, отказаться от своего ложного “я”, от которого человек зависит, что и заставляет его считать себя отличным от других. Лишь только этот метод позволяет раскрыться душе человека, приобрести истинное Я – вечное, которому принадлежат все силы и красота, а не то ничтожное, зеркальное отражение внешней красоты, которое является тленным.

Притча, приведенная в “Западно-восточном диване”, у Гете приобретает иную окраску, иное смысловое значение, нежели у Низами. Он “моральный урок” притчи видит в образно-предметном толковании, а не в смысловом, мистическом значении: “Душа всякого затронута, когда пророк, любвеобильный и проникательно-мудрый, требует от людей того, что отвечает глубочайшему его существу, – снисхождения и милосердия. Каким могучим движением заставляет он толпу посмотреть на себя самое, устыдиться проклятий и угроз и, быть может, даже с завистью в сердце признать достоинство, остававшееся незамеченным.

Тут люди, обступившие падаль, вспоминают о собственных челюстях. Красивые зубы, дар Божий, всегда приятны, более же всего ценятся они на Востоке. И вот гниющий труп, благодаря тому совершенному, что остается от него, становится предметом изумления, предметом благочестивого поклонения [1, с.194-195]. Бросается в глаза чисто библейское толкование притчи, призывающей к снисхождению и милосердию. Кроме того, сам Гете, дающий нам интересную разбивку притч, не понявший до конца через переводный текст Хаммера конечную цель образного изложения, и как читатель, и как поэт, не смог заметить глубину значения притчи, и, естественно, определить ее мораль. Но в любом случае, даже это, гетевское, толкование говорит о “благолюбивой мощи” азербайджанского поэта, чья притча давала возможность множества толкований, потому что она заключала в себе мозаику, радугу жизни, цвета которых в своей слитности составляет белый, чистый, ясный цвет, название которому Единство, Красота, Любовь» [4, с.104-106].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гете И.В. Западно-восточный диван. Москва, «Наука». 1988.
2. Гянджеви Низами. Сокровищница тайн. Баку, 1983.
3. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. /Пер. с англ. Москва, Алетейа, Энигма, 1999.
4. Новрузов Р. Проблема перевода сакральных текстов. Lap Lambert Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2012.

NİZAMİ GƏNCƏVİ YARADICILIĞINDA İSTİFADƏ OLUNMUŞ QURAN MOTİVLƏRİ İ.V.HÖTENİN İNTERPRETASIYASINDA

XÜLASƏ

Məqalədə Nizami Gəncəvi yaradıcılığında istifadə olunmuş Quran motivləri İ.V.Hötenin “Qərb-Şərq Divanı” əsərinin interpretasiyasında nəzərdən keçirilir. Müəllif Nizami və Hötenin Qurana baxışlarından nümunələr gətirərək qeyd edir ki, Nizami öz dahiyənə əsərlərində mənbələrdən uzaqlaşır. Əslində isə həm Höte, həm də Nizami islamda ideya birliyinə fikir verirlər və qeyd edirlər ki, Quran motivləri əxlaqi dəyərləri qiymətləndirir. Bu dəyərlərə həmçinin Höte və Puşkinin də ədəbi-bədii düşüncələrində rast gəlinir.

GURAN MOTIVES USED IN NIZAMI GANJAVI'S CREATIVITY IN J.W.GOETHE'S INTERPRETATION

SUMMARY

In the article are examined Nizami Ganjavi's Guran motives in the interpretation of J.W.Goethe's work “West-East Divan”. The author taking the samples from the views of Nizami and Goethe noted that Nizami got away from sources in his genius works. In fact, both Goethe and Nizami thought about idea association in Islam and noted that Guran motives evaluate moral values. These values are found out literary-artistic thoughts of Goethe and Pushkin too.